

ПРЕДЫСТОРИЯ

DRACOPRILEO
CHIMAERA¹

Следующим был Андрес Коста. Сердце все еще гулко стучало в груди, но сомнений не было: он последний из группы, а значит — мертвец.

Он все время спрашивал себя, какого черта им понадобилось открывать эту реликвию. Андрес помнил, как старался изо всех сил, чтобы его друг, доктор Берт Уитакер, следовал обычному протоколу археологических находок, научному методу, основам археометрии². Однако в тот роковой день, в приступе непонятной лихорадки, Берт забыл о науке. Он прыгнул в вырытую в земле

---

¹ Химера (*лат.*).

² Научная дисциплина, раздел археологии, определяющая возраст и происхождение археологических объектов физико-химическими методами.

яму, голыми руками вытащил небольшой ящик, вырвав его из глиняной стены. И навлек на всех ужасное проклятие. Это единственное объяснение того хаоса и несчастий, которые постигли участников раскопок, начатых пару лет назад в холмах близ древнего города Фивы.

Теперь Уитакер навечно упокоился в двух метрах под землей. Врачи в Нью-Йорке диагностировали у него редкую кожную инфекцию. Через три недели его организм перестал бороться с болезнью, покрылся гнойными пустулами¹, которые, в конце концов, разрушили его нервную систему. «Вирус неизвестного происхождения», — заключили специалисты.

Для Андреса Косты это был еще один признак того, что с вырванным из земли богато украшенным ящиком с более чем двухтысячелетней историей пробудилась некая могущественная сила. Члены экспедиции один за другим погибали каждый своим ужасным и загадочным способом.

После смерти Пабло Каусареса, известного физика, отвечавшего за технологическое оснащение на объекте «Фивы» — рентген, эхолокаторы и подобные приборы, — остался только он. И, как ни странно, он был рад этому.

Первые смерти казались ему роковыми совпадениями, побочным следствием тяжелой,

---

¹ Гнойничок; пузырек с гнойным содержимым.

опасной работы, которая заставляла их выживать в экстремальных условиях. Рациональный ум ученого не позволял ему видеть дальше активной реальности. Однако число жертв не переставало расти: ужасное самоубийство; автомобильная авария на прямом километровом участке с отличной видимостью; стекло, необъяснимым образом сорвавшееся с креплений крана... Все эти ужасные смерти, наконец, заполнили весь его разум, опустошив тело и душу. Он начал терять вес, некогда было есть. Главное — быть начеку, бодрствовать, реагировать на любой сигнал, который хоть как-то намекал, что его жизнь в опасности. Нервозность пожирала его, вызывая раздражающую бессонницу и плохое настроение. Те, кто знал его, думали, что он потерял рассудок.

Но это было не так. Его чувства обострились до предела. Единственной целью стало сохранить жизнь. Обо всем, что не служило этой цели, он забыл.

Так проходили многие дни и месяцы. Он все меньше становился похож на себя прежнего. В глазах затаилось безумие. Единственный смысл существования свелся к преодолению неизвестного проклятия, постигшего его друзей, и к сводящей с ума неопределенности, кто же следующий в этом убийственном списке.

И когда он и так уже был погружен во тьму, бывший коллега сообщил ему по телефону о смерти Пабло Каусареса. После месяцев отчаяния, которые опустили его на самое дно бесконечной ямы, в его голове будто щелкнул потайной тумблер. Положив трубку, он принял душ, побрился, постригся, ходил в любимый ресторан, вкусно поел и принялся за написание статьи для *British Archaeological Reports*, которую, практически случайно, Британский музей предложил ему написать на следующий день после его *возрождения* как личности.

И теперь он мог с восторгом смотреть на красоту сказочного *диноса*¹, разрисованного Софилосом и изображающего брак Пелея и Фетиды. Этому керамическому сосуду было больше двух тысяч лет! С величайшей деликатностью он поместил его в стеклянную урну, стоявшую на верстаке, и снял латексные перчатки.

Холодное, тесное помещение, в котором он находился, служило реставрационной комнатой и было одним из многих мест в подвалах музея, доступ в которые запрещен как для посторонних, так и для некоторых служащих. Лампа мерцала, заставляя тени плясать на стенах. Большие красные цифровые часы на стене отсчитали еще

---

¹ В археологии это крупный сосуд с полукруглым туловом, металлический или керамический.

одну минуту, показывая теперь восемь часов вечера. Он понял, что голоден. Опустил взгляд на левую руку, но часов на ней не было. Он перестал их носить несколько недель назад, не хотел оставаться во власти времени. Часы напоминали о приближающемся неминуемом конце. Но рефлекс постоянно проверять время еще надежно сидел в мозгу. Несмотря на депрессивные мысли, желудок, гораздо более приземленный, продолжал свой бунт. За последние несколько дней он даже набрал пару килограммов, которых его лишили переживания. И намеревался и дальше восстанавливать свой обычный облик. Он провел рукой по зарождающемуся изгибу, видневшемуся под рубашкой. Похоже, ему удалось. Поэтому он решил посетить Уолтера Бригмана, владельца скромного ресторана на Нортумберленд-авеню, недалеко от Национальной галереи и Трафальгарской площади, где подавали вкусный ростбиф с жареным картофелем, соусом из редиса и йоркширским пудингом, которые, как он надеялся, вполне удовлетворят его аппетит. Слюнки потекли, когда он представил ожидавший его фантастический взрыв вкуса.

Он покинул кабинет и пошел по ветхому узкому коридору с пронумерованными дверями, пока не добрался до современного лифта, который доставил его на главный этаж.

Посетителей в музее уже не осталось. Тускло освещенные комнаты были поглощены тенями, которые ползли по полу и стенам в поисках укрытия. Внутри здания находилось, вероятно, не более пяти-шести исследователей, которые вскоре покинут — некоторые из них с большой неохотой — эти сводчатые потолки из мрамора и обожженной глины восемнадцатого века.

Он был одним из них.

Для Андреса Косты Британский музей был вторым домом.

Когда в возрасте двадцати трех лет он получил международную стипендию, позволившую ему закончить докторскую диссертацию о роли лорда Элгина в исследовании Древней Греции, музей навсегда завладел его сердцем. Диссертация принесла ему степень *cum laude*¹ и вражду с несколькими непокорными британскими археологами старой школы. А еще единодушное признание международного научного сообщества за смелость в споре со старейшим музеем мира. С этого момента его жизнь стала вращаться вокруг Британии. Она превратилась в сплошные экспедиции, археологические раскопки и написание статей. Именно поэтому он решил взяться за свое нынешнее задание —

---

¹ С почетом (*лат.*). Высший уровень отличия при получении академической степени.

исследование мифов о Троянской войне на основе текстов и рисунков на сосудах с надписями *dinos* и керамических кувшинах *pelike*, которые были частью коллекции музея. Он был в восторге от возможности подержать в руках настоящие кусочки истории. Это оставалось его мечтой с самого детства. Единственным утешением для Андреса Косты перед смертью было осознание того, что он достиг этой цели.

Шаги гулко звучали в огромных залах, посвященных его любимой Древней Греции. Да, разумеется, его притягивал Розеттский камень¹, гордо выставленный за бронированной стеклянной витриной недалеко от входа в музей, и тайна, окружающая Портлендскую вазу², и невероятное очарование помещения, посвященного египетским мумиям. Но именно в залах Древней Греции он соединялся с тем, что породило сегодняшнюю цивилизацию, со всеми ее достоинствами и недостатками, великолепием и упадком, к которой мы все, так или иначе, принадлежим. Истоки всего.

Внезапно дрожь пробежала по телу. Ему показалось, что какая-то тень выскользнула из

---

¹ Стела из гранодиорита, найденная в 1799 г. в Египте.

² Выдающееся произведение античного искусства августовского, или римского, классицизма. Двухручный сосуд типа амфоры 25 см в высоту и 17,7 см в диаметре.

своего тайного укрытия и стремительно скользнула по стене справа от него. Тень, которой не должно тут быть. Он пытался сглотнуть, но рот превратился в пустыню, язык распух. Ускорив шаг, он с опаской озирался по сторонам. На мгновение скульптуры, которыми он множество раз любовался, показались ему зловещими и вызвали тревогу... Сердце выпрыгивало из груди, его биение отдавалось в сонной артерии тупым пульсирующим призывом. Показалось, что он услышал шаги. За ним следят? Он опасливо огляделся. Никого не было, только мрак. Лишь те крохи мужества, которые у него остались, не позволили ему броситься к выходу...

К черту мужество!

Он перешел на бег. Через десять или двенадцать метров, задыхаясь, он обогнул угол и врезался в огромную человеческую фигуру. Андрес подавил крик и через полсекунды пожалел о своей стремительности.

— Вы в порядке, доктор Коста? — спросил по-английски густой голос с ливерпульским акцентом, который показался археологу вестником спасения.

— Ну... Добрый вечер, Алан. — Исследователь попытался вернуть самообладание, что ему удалось после нескольких покашливаний. Он натянуто улыбнулся.